

Шевченко Т. Л.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ УТОПИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. С. ШМЕЛЕВА («СЛАДКИЙ МУЖИК», «СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ», «НЯНЯ ИЗ МОСКВЫ»).

Время создания И. С. Шмелевым своего вершинного произведения - «Лета Господня» - совпало с периодом беспрецедентного расцвета жанра утопии в русской, прежде всего советской, литературе. Исследователь В. А. Кошелев, сближая идеологические концепции И. С. Шмелева в «Лете Господнем» со славянофильским семейным и общественным идеалом, оценивает произведение как своеобразную утопию, близкую славянофильской: «По характеру своему славянофильская общественная концепция была «утопией, опрокинутой в прошлое» и в этом смысле оказывалась противоположна идеологическим поискам русских радикалов... Подобного рода утопию Шмелев воссоздал в своих книгах эмигрантского периода: «Богомолье», «Родное», «Няня из Москвы», «Пути небесные». В «Лете Господнем» эти черты выражаются наиболее последовательно»ⁱ. Будучи «утопией, опрокинутой в прошлое», «Лето Господне» противостояло не только духу современной западной культуры, «слишком «плотскому», слишком материальному»ⁱⁱ, не только нападкам на русское прошлое левого лагеря эмигрантской прессы, но и, думается, в первую очередь, той жестокой утопии будущего, воплощение которой Шмелев видел в послереволюционной России. Писателю довелось стать свидетелем чудовищного социального эксперимента. Увиденное и пережитое в послереволюционной России осмыслено в его сказках, в романе «Няня из Москвы», в эпопее «Солнце мертвых» как опыт соприкосновения с безумным утопическим проектом.

«Ученый барин», герой написанной Шмелевым в 1919 году сказки «Сладкий мужик», несмотря на всю свою карикатурность, является как бы прообразом тех реформаторов жизни, ученых европейцев, о которых в «Солнце мертвых» Шмелев пишет уже без смеха, с едва сдерживаемым негодованием: «Славные европейцы, восторженные ценители «дерзаний»! Охраняемые Законом, за богатыми письменными столами, ... на которых солидно покоятся начатые работы, с приятным волнением читаете вы о «величайшем из опытов» - мировой перекройке жизни. Повторяете подмывающие слова, заставляющие горделиво биться уставшее от покоя сердце...»ⁱⁱⁱ. Зараженный идеей европейского гуманизма, ученый барин пишет сочинение о тяжелой жизни русского крестьянства, ничего об этой жизни не зная, ничего в ней не понимая: «Известно: что знаешь да любишь - про то и пишется; а деревенскую жизнь знал барин досконально, потому что жил на даче»^{iv}. Не имея представления об истинных нуждах и чаяниях мужика, его достоинствах и недостатках, герой сказки Шмелева создает лубочный образ несуществующего русского мужика. Показателен в сказке диалог «ученого барина» с другом-сахарозаводчиком:

« - Читал я книгу вашу последнюю...

- Ага! - так и просиял ученый барин. - Ну-с, что скажете?

- Да вот что я скажу... У меня бо-льшой сахарный завод, а теперь вижу, что ваш куда больше!»^v.

Как утопическая оценивается революционная идея и в романе «Няня из Москвы». Отец и мать шмелевской героини здесь все те же «веселые бары», не столько даже пропагандисты европейской политической мысли, сколько законодатели политической моды: «Они с барыней секрет знали - только царя долой, все новое пойдет, хорошее, им известно»^{vi}, «Вот, няня, погоди, скоро всему перемен будет, по-новому все будет... Хлопочем все, так хлопочем... партию делаем, для всего народа чтобы»^{vii}. Но все эти хлопоты о народе - своеобразный хороший тон, ничего общего не имеющий с состраданием: «Правду сказать, к бедным не ездил барин, а так сочувствовал ... вредно в грязи рожать, зараза будет, все говорил... пусть в приюты идут рожать, в ламбалатории...»^{viii}, «...Скажешь барыне: нищие к нам заходят, надо бы на кухне подавать, как у маменьки водилось. А она - «Лодырей разводите! на попечительство даем, там уж знают»... А господа нужды живой не любили, расстраивались от нужды.»^{ix}.

Революция, по словам писателя, открывает людям тайну утопии: чтобы сделать человечество счастливым, «для этого надо начинать - с человечьих боен»^x. Страшная реальность «новой жизни», которую, рассматривая как неизбежную жертву «золотому завтра», тщательно скрывала советская литературная утопия, показана в «Солнце мертвых» в своем истинном виде: кровь, абсурдные распоряжения, голод, смерть.

Прокладывая себе дорогу в будущее, новый общественный строй осквернил и постарался уничтожить все «пережитки прошлого»: осмеяна была святость семейных уз («У коммунистов свой закон... даже на мать обязан донести по партии!»(с.93)), патриотизм («Это неопределенное, но сильное и глубокое чувство заключает в себе и злобное недоверие ко всем чуждым народам и расам, и стихийную привычку к своей общей жизненной обстановке, особенно к территории, ... и какое-то коллективное самомнение...»)^{xi} был заменен «тырцинизмом», потому что «ни Родины, ни России не знали те, что убивать ходят. Теперь ясно» (с.41). Жизнь превратилась в «сон кашмарный», в страшную сказку-утопию, ставшую явью, «а раз уже наступила сказка, жизнь уже кончилась» (с.61). Париж - «это на каком-то другом свете...» (с.34.), а здесь, во владениях «сказки», уже нет былой России, здесь все перевернуто, сдвинуто с оснований: «И не дом пастыря у церкви, а подвал тюремный... Не церковный сторож сидит у двери: сидит тупорылый парень с красной звездой на шапке, зыкает-сторожит подвалы...» (с.30).

Новый строй отменил душу: «...теперь нет души, и нет ничего святого» (с.71), «В Проповеди Нагорной продают камсу ржавую на базаре, Евангелие пустили на пакеты...» (с.67). Новые творцы жизни «...успокоили человекoв: от обезьяны - и получай мандат»; «теоретики, словокройщики», которые «ни одного гвоздочка для жизни не сделали, ни одной слезки человечеству не утерли, хоть на устах всегда только и заботы, что о всечеловеческом счастье» (с.59), узрев «пустоту в небесах кровавыми глазками» (с.60), возомнили богами себя, «махом единым сволокли «рай» на землю» (с.47), решили создать нового, совершенного человека «по

своему хвасо-ну». Этот мотив богоравности очень часто обыгрывался в литературной коммунистической утопии, но, конечно, в совершенно ином свете: как хвала всемогуществу человека.

Потерявшие смысл жизни, люди гибнут не только физически, но и духовно, сходят с ума, не находя в себе сил оставаться здравомыслящими среди тотального безумия, выдаваемого за норму. «Я не имею охоты продолжаться» (с.120), - говорит полусумасшедший «миндальный доктор», и о глубоком внутреннем распаде свидетельствует даже странный строй его речи. Но в своем безумии люди, обманутые лживыми обещаниями, прозревают истинную сущность «великой перемены». «По декрету» пошел сдавать полотенце новой власти один из героев:

«- А рубахи нету? - спросили. - Рубахи очень нужны шахтерам, товарищ!..

- По-следняя! - дрогнувшим голосом сказал Прокофий и приложил руку к сердцу. - А когда крест ... снимать будете?» (с.118).

Но и среди этого кровавого хаоса образ прежней России, потерянной ныне, продолжает жить в воспоминаниях, помогая сохранить веру в то, что закончится страшная «сказка» и вновь будет править «всем и всеми мудрая Жизнь-Хозяйка» (с.86). Таким же спасительным воспоминанием для автора «Солнца мертвых» стало и «Лето Господне», «утопия, опрокинутая в прошлое».

ⁱ Кошелев В. «Лето Господне» и общественный идеал русского славянофильства /И.С. Шмелев. Мир ушедший - мир грядущий. Тезисы докладов II Крымской международной научной конференции. - Алушта, 1993.- С. 8.

ⁱⁱ Осьмина Е. Вступление / Иван Шмелев. Бессердечная культура/ Слово. - № 1-6. - 1992.- С. 6.

ⁱⁱⁱ Шмелев И. Солнце мертвых / Пути небесные: Избранные произведения. - М., 1991.- С. 76-77.

^{iv} Шмелев И. Сладкий мужик / Молодая гвардия. - № 8.- 1995.- С. 88.

^v Шмелев И. Сладкий мужик / Указ. изд. - С. 90.

^{vi} Шмелев И. Няня из Москвы / История любовная: Роман. - М. - 1995.- С. 277.

^{vii} Шмелев И. Няня из Москвы / Указ. изд. - С. 263.

^{viii} Шмелев И. Няня из Москвы / Указ. изд. - С. 269.

^{ix} Шмелев И. Няня из Москвы / Указ. изд. - С. 269.

^x Шмелев И. Солнце мертвых / Пути небесные: Избранные произведения.- С. 41. Далее цитируем по этому изданию, указывая страницу в тексте.

^{xi} Богданов А. Красная звезда / Вечное солнце: Русская социальная утопия и научная фантастика второй половины XIX - начала XX века. - М., 1979.- С. 346.